

Г. ЧУЛКОВ

Анна Ахматова

Когда-то Шопенгауэр негодовал на женскую болтливость и даже предлагал распространить на иные сферы жизни древнее изречение: «taceat mulier in ecclesia» *. Что бы сказал Шопенгауэр, если бы он прочел стихи Ахтовой? Анна Ахматова — один из самых молчаливых поэтов, и это так, несмотря на женственность. Слова ее скупы, сдержанны, целомудренно-строги, и кажется, что они только условные знаки, начертанные при входе в святилище, а там — *silentium*.

В наши торопливые дни, когда Бальмонт, Вячеслав Иванов, Блок и еще два-три их соратника кажутся «старыми» поэтами, в дни, когда появилось немало молодых стихотворцев, искусных и даровитых, нелегко заметить нового настоящего поэта, но Ахматову нельзя не заметить: так странно звучит ее тихий голос и так загадочны ее слова. Строгая поэзия Ахматовой поражает «ревнителя художественного слова», которому многоцветная современность дарит столь щедро благозвучное многословие.

Гибкий и тонкий ритм в стихах Ахматовой подобен натянутому луку, из которого летит стрела. Напряженное и сосредоточенное чувство заключено в простую, точную и гармоническую форму.

Отсутствие метафор, строгость в выборе слов, своеобразный ритм, смелое и решительное отношение к рифме, неожиданные, но оправданные внутренней логикой сопоставления образов и тревожный и волнующий, иронический и таинственный полувопрос в конце пьесы — вот черты, определяющие лирику Ахматовой. Единая тема в поэзии Ахматовой — странная мечта о таинственном любовнике, покинувшем свою возлюблен-

* «Да молчит женщина в церкви» (лат.).

ную. Мир, в котором живет душа поэта, прост и реален, но за этою видимою простотою, за этою ясностью образов и мыслей таится незримый мир, полный тревоги и тайны. Мы узнаем об этом только потому, что образы, простые сами по себе, возникают перед нами в таком сочетании, которое делает их загадочными психологически и символическими в их сущности.

В своих стихах Ахматова поет «мертвого жениха». Его образ мерещится ей всюду. Она, как Дон-Жуан, бродит по миру, с волнением ожидая какой-то роковой встречи. Но тщетны надежды. И ее «мертвые зори» на траурном небе унылы и страшны. Но как лирик любит свои печали:

Слава тебе, безысходная боль.
Умер вчера сероглазый король...

Если умер ее король, не надо ей ни сердца, ни души...

Не надо мне души покорной,
Пусть станет дымом... Легок дым...

Отказаться от своей души, от самой себя — вот тайная мечта этого утомленного поэта. Ахматова забрела в «обманную страну» и кается горько, но улыбка «странная и застывшая» не сходит с ее губ. Ахматовой нельзя не верить, когда она шепчет в отчаянии:

Я не прошу ни мудрости, ни силы...
О только дайте греться у огня.
Мне холодно. Крылатый иль бескрылый
Веселый бог не посетит меня.

И любовь Ахматовой противоречива и мучительна. Она говорит о своей любви с широко открытыми глазами, порочными и невинными всегда:

И давно мне закрыта дорога иная.
Мой царевич в высоком кремле,
Обману ли его, обману ли? — Не знаю.
Только ложью живу на земле...

Очарование поэзии Ахматовой в этой опасной откровенности. Она как будто поет свои песни, стоя над обрывом: там, далеко внизу, темная вода — один шаг и смерть.

Первая книга Ахматовой «Вечер» вызвала единодушное признание; приветствовали книгу «Вечер» как драгоценный дар Музы. И в самом деле, что-то особенное есть в этой маленькой книге, совсем непохожей на множество лирических сбор-

ников, торопливо предложенных в наши дни вниманию читателей.

Горькое и острое разочарование в жизни, и какое-то напряженное внимание к мучительной повседневности, и эта странная пугливая тоска — все это поразило современников своим «необщим выражением». И поэтический опыт Ахматовой не остается в пределах психологизма. Этот опыт приводит ее к угадыванию чего-то более глубокого, значительного и подлинного, и ее чуткий талант предрекал ей какие-то «соответствия».

Это уже не импрессионизм. И здесь вовсе нет места для метафоры и аллегии. Поэзия Ахматовой символична, т. е. образы, ею созданные, свидетельствуют о переживаниях, соединяющих ее душу с душою мира как с чем-то реальным. Ее лирика ограничена небольшим кругом тем, наблюдений и увлечений, но, несмотря на эти малые пределы ее интимного мира, поэзия Ахматовой становится всем близкой и необходимой. Почему? Я думаю, что тайна этого очарования в равновесии ее художественного опыта и поэтического сознания, которое подсказывает ей, что «мир есть поэма, написанная чудесными таинственными письменами».

Вот почему, признается ли она в том, что приснился ей смуглый отрок в Царскосельском саду с растрепанным томиком в руках; рассказывает ли она о Петербурге, о том, как «стынет в грозном нетерпеньи конь Великого Петра»; поет ли, наконец, свою печальную любовь, свое смятение и тайное изнеможение: всегда за этим маленьким миром ее лирических волнений открывается дальний путь в мир иной, и начинаешь верить, что любовь едина, что «своей столицей новой» недоволен мертвый государь, что в самом деле и в наши дни шуршат по дорожкам Царскосельского сада шаги отрока Пушкина...

Ахматова никогда не смотрит со стороны на себя и на свою грусть: ее стихи предельно просты, но в этой целомудренной строгости есть необычайная значительность, своеобразное и мудрое отношение к миру. Для нее повседневность исполнена таинственного смысла, и не случайно она решается начать «Отрывок из поэмы» многозначительными словами: «В то время я гостила на земле». В самом деле она — как таинственная иностранка» в этом мире «печали и слез».

Ахматова в тоске и отчаянии не потому, что в мире нет смысла, а потому, что она не находит себе в нем места. Она уверена, что в жизни есть смысл, глубокий и тайный, но она не смеет себя утвердить в ней достойно и твердо. Вот почему шепчет она, задыхаясь:

Долгую песню льстивая
 О славе поет судьба.
 Господи! Я нерадивая
 Твоя скупая раба.
 Ни розою, ни былинкою
 Не буду в садах Отца.
 Я дрожу над каждой соринкою.
 Над каждым словом глупца.

Так в стихах своих она таит свою веру и свое понимание мира за волшебной завесой жизненных противоречий, за лепетом обыденной жизни. Если Ахматова декадентка, то эта ее лирическая судьба и это одиночество оправданы острым ее сознанием, что «всякий за всех и перед всеми виноват» и что утвердить свою личность возможно лишь ценою отречения от себя, от своей эгоистической замкнутости. Ахматова идет по трудным путям жизни, изнемогая от печали.

В современности, как известно, есть немало даровитых поэтов. Некоторые из них по праву считают себя не только «зачинателями» нового искусства, но и завершителями поэтического дела, которое было преуказано Тютчевым и Фетом, иные — Федор Сологуб, Александр Блок, Вячеслав Иванов — принадлежат не только многообразному и зыбкому «Сегодня», но и увенчанному лаврами «Вчера».

Анна Ахматова связана по времени с младшим поколением наших лириков, но по духу своей поэзии она, быть может, единственная, которая достойна войти в круг старших символистов.

Эту судьбу ее можно было предугадать еще в те дни, когда вышел первый сборник ее стихов «Вечер», хотя, перепечатавшая этот сборник в своей книге «Четки», взыскательная художница исключила из него многие пьесы как несовершенные.

Новый поэтический опыт Ахматовой, поэма «У самого моря», заслуживает чрезвычайного внимания уже потому, что современность вовсе не богата эпическими произведениями в стихах. У нас есть совершенные образцы чистой лирики, но пушкинские и лермонтовские устремления к поэтическому повествованию, заключенному в строгие ритмические формы, почти не вызывают подражателей и продолжателей. Правда, у нас есть прекрасная романтическая сказка Блока — «Ночная фиалка», но это произведение исполнено прелести преимущественно лирической и к эпосу отнесено быть не может.

Есть у нас еще во многих отношениях замечательная повесть в терцинах Вячеслава Иванова «Феофил и Мария», но

самая тема ее — *virgines subintroductae*, т. е. христианские жены, связавшие себя обетом девства в супружестве, — удалена чрезвычайно от эпоса нашей повседневной жизни. В этой, вообще говоря, чудесной повести есть какая-то психологическая исключительность.

Анна Ахматова нашла, по счастью, форму, совершенно отвечающую требованиям ее лироэпического замысла.

Фабула ее несложная. Юная девушка — от ее лица ведется рассказ — живет на берегу Черного моря. Она дика, своенравна, мечтательна и смела. В нее влюблен сероглазый мальчик, но она отвергает его ребяческую любовь, потому что она сама влюблена в кого-то, неизвестного и таинственного. Она смеет называть его царевичем, и в царственность его не смеет не верить даже ее сестра, которая «с детства ходить не умела, как восковая кукла лежала, ни на кого не сердилась и выпаивала плащаницу». Девушка ждет своего царевича, и наконец она его находит на морском берегу, но не живого, а мертвого. Его хоронят на Пасху. И «несказанным светом» сияет «круглая церковь».

Эта поэма, такая простая в повествовательном своем плане, заключает в себе, однако, и глубину, и очарование, и значительность символической поэзии.

Глубина этой поэмы — в том, что любовь, о которой повествует автор, вовсе не ограничена пределами психологизма: она раскрывается как начало общее, мировое, за образами повседневными и отдельными в своей случайности угадываешь неволью нечто большее, как будто в этой девушке, изнемогающей в любовной тоске, воплощена вся любовь наша, израненная земною нашею судьбою, обреченная на неприменное увядание.

Очарование этой поэмы в том, что она исполнена превосходного реализма, т. е. каждый образ, чудотворно претворенный поэтом в символ, не теряет своего земного веса. Плоть мира не сгорает напрасно и бесследно в творчестве Ахматовой. В соответствии с этим находится хорошее мастерство поэта: в этой повести нет ни одной пустой или случайной строчки.

Наконец, значительность этой поэмы — в том, что смерть, под знаком которой совершается внутренняя драма героини, вовсе не простое отрицание жизни, вовсе не мрачное и жадное чудовище, стерегущее свою жертву в бессмысленной ненависти к человеку, а лишь новый внутренний опыт, страшный не сам по себе, а в силу той ответственности, которая возлагается на личность, принявшую этот опыт. Заключительные строки поэмы не случайны:

Слышала я — над царевичем пели:
«Христос воскрес из мертвых»,
И несказанным светом сияла
Круглая церковь.

Можно принять или не принять мировоззрение Ахматовой, но было бы опрометчивою ошибкою отрицать цельность этого мировоззрения — такая душевная значительность необычайна в наши дни совершенного крушения «цельного знания» и поголовного увлечения тем или иным отвлеченным началом или, что еще хуже, какою-либо формальною и внешнею причудою поверхностного эстетизма.

Печаль Ахматовой вовсе не уныние, свойственное опустошенным душам. Ее печаль требовательная и действенная. Она спасает поэтессу от самодовольного любования собою или миром, и она дает ей крылья и не мешает ей думать о земле, оправданной высшей мудростью.

Если этого нельзя было сказать с уверенностью до появления поэмы «У самого моря», то теперь эта уверенность ничем не может быть поколеблена.

